

А.Ш. Кадырбаев

ИБ РАН

Тогонтимур – последний монгольский император Китая

Тогонтимур, ставший в 1333 г. последним монгольским императором Китая, занял юаньский трон, когда ему исполнилось 12 лет, поэтому до его совершеннолетия власть в империи сосредоточилась в руках крупных придворных сановников, наиболее влиятельными из которых, согласно *Юань-ши* («История [династии] Юань»), были выходец из сословия *сэму*, тюркокыпчак Яньтимур и монгол Байань. *Сэму* являлись наиболее привилегированным после монголов сословием, образованным по этническому принципу из представителей стран, лежащих к западу от Китая, служивших в империи Юань – монгольском государстве в Китае. Тернист был путь юного Тогонтимура к трону, и поначалу казалось, что у него не было шансов стать правителем. Он был сыном Хошила, отец которого Хайсан в 1307–1311 гг. был монгольским императором Китая. Заговорщики во главе с Яньтимуром и Байанем после смерти императора Есугимура в 1327 г. возвели на трон младшего сына Хайсана Тугтимура, а не старшего Хошила, который по монгольской традиции имел больше прав на юаньский престол, но их не устраивало стремление Хошила править единовластно, и в 1329 г. Хошил был убит. Жена Хошила была казнена, а сын Тогонтимур был сослан в Корею. Но император Тугтимур правил недолго, и 2 сентября 1332 г. умер. Утверждённый им наследник Араднадара умер в начале 1331 г., и Тугтимур не успел назначить нового наследника. В этих условиях на политическую арену вышла вдова Тугтимура императрица Будашири, выступавшая против Яньтимура и тайно поддерживаемая Байанем. Она объявила, что последним желанием Тугтимура было возведение на трон не своего сына Эльтегуса, а Иринджибала, старшего сына его покойного брата Хошила. В октябре 1332 г. Иринджибал вступил на трон и умер через два месяца, в возрасте 6 лет. Но за это время Байань был утверждён на всех постах, которые он первоначально занимал при Тугтимуре. Совершенно очевидно, что влияние и власть Будашири явились сильным ударом по Яньтимуру. Будашири учредила совет из 7 человек для решения важнейших государственных дел, в состав которого Яньтимура не включили. При этом

© Кадырбаев А.Ш., 2012

Будашири имела собственную казну и могла использовать её для осуществления своих замыслов. Она стремилась заменить Иринджибала не Эльтегусом, а Тогонтимуром, другим сыном Хошила, чтобы воспрепятствовать новому приходу Яньтимура к власти. Хотя положение Яньтимура сильно пошатнулось, он смог противодействовать восхождению Тогонтимура на трон. До июля 1333 г. юаньский трон оставался пустым [7, р. 10–40]. *Юань-ши* сообщает, что Тогонтимур, китайское храмовое имя Шуньди, стал императором только после смерти Яньтимура. Сведения о смерти Яньтимура противоречивы. Не исключено, что он умер не своей смертью, а был отравлен. Согласно *Юань-ши*: «Яньтимур из-за излишеств почил и одряхлел. И только тогда Суай вступил на трон. Это и был тот, кто затем стал Шуньди...» [6, цз. 138, с. 27539/1587].

После смерти Яньтимура, ранее занимавший выжидательную позицию Байань порвал все отношения с его сторонниками и открыто перешёл на сторону Будашири. Борьба Байаня и Будашири с Яньтимуrom – это не только личная борьба за власть. Яньтимур, имея большие возможности, вышел из-под контроля монголов, которые могли терпеть *сэму*, в том числе тюрок, лишь как союзников и помощников. До 1335 г. исход борьбы за власть не был ясен, и сторонники Яньтимура сохраняли свою силу. К тому же дочь Яньтимура стала женой Тогонтимура в 1333 г., ещё в бытность его наследником юаньского трона. Предводителем кыпчакской клики стал младший брат Яньтимура Садунь, глава кыпчакской императорской гвардии монгольских правителей династии Юань, и назначенный Тогонтимуром на пост *ючэна*, помощника главного министра, хотя он и не обладал такими полномочиями, как его старший брат. После смерти Садуня лидером кыпчакской клики стал его сын Танкиш. Он также занимал пост *ючэна* и открыто выражал недовольство тем, что «Байань один ведал главными делами государства». В июне 1335 г. Будашири поддержала Байаня, отказав Танкишу в назначении на пост главы Цензората. Танкиш организовал заговор. Вот как описывает *Юань-ши* эти события: «В это время Садунь уже умер... Танкиш сказал с гневом: „Поднебесная сначала нашему дому принадлежала. И Байань кто такой, что у трона выше меня стоит?“ Затем вступил в тайный сговор с младшим братом Дали, куда вовлёл и своего родственника Гуанхотимура. Они замыслили захватить трон и тем самым прославить предков... Заговор был раскрыт... Была устроена засада в восточных предместьях столицы. Воины ворвались во дворец и всех их, заговорщиков, схватили. Танкиш с младшим братом были казнены, а их клика бежала на север, к Дали. Дали решил сражаться и убил императорского посла, сделав таким образом военное жертвоприношение. Император послал урезонить его своего приближенного Аби. Но тот убил Аби, возглавил банду некоего Хэшанлала и, как изменник, вступил в бой с воинами государя... Был разбит и бежал к Гуанхотимуру. Император приказал догнать и схватить его. Силы Дали иссякли, он был схвачен, препровождён в Шанду, где его и казнили... Преемником Танкиша в заговоре стал Ачаши. Его схватили и началось следствие по его делу. Ачаши подвергли всяческим пыткам и казнили. Когда ещё арестовывали Танкиша, то он уцепился за косяк

двери во дворце и сломал его, не желая следовать за теми, кто его арестовал. Далахай убежал и спрятался под сидением у императрицы (дочери Яньтимура. – А.К.). Императрица, надеясь спрятать, накрыла его одеждой. Но окружающие вытащили Далахая и обезглавили, кровь при этом обрызгала одежду императрицы и она стала кричать: „Ваше величество, спасите меня!“ Байань сказал: „Братья совершили бунт, а императрица с ними“, и схватил императрицу. Император же сказал: „Твои братья учинили бунт, как я могу спасти тебя?“ И приказал выселить императрицу из дворца. Затем содержал её в квартале Кайпин. Она была приписана к семье Танкиша, т.е. объявлена членом семьи государственных преступников» [6, цз. 138, с. 27538/1586–27539/1587]. Среди арестованных были сторонники Яньтимура, уйгуры Тимурбука и Арикхайя, тангут Иринджибал и некоторые члены императорской фамилии. Тимурбука был казнён. Уничтожение влиятельной клики, в которой доминировали представители кыпчакской знати, было результатом деятельности Байаня. Чтобы удержаться у власти, Байань натравливал одни этнические группы юаньской верхушки против других. Например, в 1335 г. он расправился со своими кыпчакскими соперниками при помощи подчинённых ему частей гвардии асов – выходцев с Северного Кавказа. Накануне этих событий в 1334 г. была сформирована ещё одна гвардейская часть асов. В определённой степени переход власти в руки Байаня явился реакцией монголов на всё возрастающую роль тюрок в системе монгольского владычества в Китае. В этом они усматривали угрозу своему господствующему положению внутри смешанного в этническом отношении правящего юаньского класса.

Именно благодаря усилиям Байаня был возвращён из ссылки малолетний Тогонтимур, которого он лично встречал в Хэнани во время возвращения в столицу Ханбалык на месте современного Пекина, обеспечивая безопасность. В своих действиях Байань был поддержан авторитетной при юаньском дворе вдовствующей императрицей Будашири, итогом которых стало уничтожение сторонников его предшественника во власти Яньтимура, чьё место на вершине пирамиды власти в империи Юань он занял. Став главным министром империи, Байань повторял судьбу своего предшественника Яньтимура и даже превзошёл его, как по концентрации власти в своих руках, так и по алчности, когда в его владении были сотни поместий по всей стране. Получил он во владение и 40 тысяч дворов китайских крестьян, собирающих жемчуг. Байань одновременно занимал 35 высоких постов в государственной структуре и обладал десятками почётных титулов и званий. Никому в Юаньской империи, кроме Байаня, не было разрешено занимать более трёх должностей одновременно. Если ранее Байань был вторым человеком в государстве после Яньтимура, то при нём никто не обладал таким статусом. По сути, его власть уравновешивала влияние вдовствующей императрицы Будашири, которой в сентябре 1335 года был присвоен титул *Тай хуан тай-хоу* («Великой вдовствующей императрицы»). Байань сконцентрировал под своим командованием все наиболее боеспособные части юаньской гвардии, сформированные из монголов, асов, тюрок – кипчаков и канглы, тангутов, русских.

Характерной чертой политики Байаня была её антикитайская направленность, он всегда поступал по своему произволу и лишил жизни многих китайцев, в том числе и близких к юаньскому двору. Он был против изучения монголами китайского языка и издал указ, запрещающий китайцам иметь лошадей и оружие. Когда в 1337–1338 гг. вспыхнули восстания китайцев, Байань был взбешён, он считал всех китайцев мятежниками и возлагал ответственность за бунты также на лояльных юаньскому двору китайцев – и *нань-жэнь* («южных»), и *хань-жэнь* («северных»). Затем Байань выдвинул предложение истребить всех китайцев, носящих распространённые фамилии: Чжан, Ван, Ли, Лю и Чжао, чтобы запугать остальных. В 1339 г. им был подтверждён указ, запрещающий китайцам носить оружие и сопротивляться при нападении монголов. Всё юаньское законодательство было пропитано духом неравноправия этносов: если монгол убивал китайца, с него брали штраф на похороны убитого и приговаривали к отправке с войсками в военный поход, китаец не мог дать сдачи монголу при избиении, а только имел право написать жалобу на обидчика, в обратном случае китайца судили по всей строгости, китайцы не имели права обладать холодным оружием, даже плетью с железным наконечником, после военного похода юаньские воины-китайцы должны были сдавать холодное оружие, им запрещалось охотиться [5, с. 42].

Как свидетельствует *Юань-ши*, предсказание шаманки о том, что он примет смерть свою от *нань-жэнь* («южных» китайцев), послужило для Байаня поводом для кровавых репрессий против них [2, с. 128]. Отмена Байанем 17 ноября 1335 г. учреждённой ранее по китайскому образцу системы экзаменов (по-китайски *кэ-цзюй*) на замещение государственных должностей в империи Юань вызвала сильное недовольство китайцев, а также *сэму*, отношения с которыми после свержения Яньтимура были у Байаня весьма напряжёнными, поскольку они, наряду с монголами, пользовались преимуществом при прохождении экзаменов, занимая до 30% всех постов в государственном аппарате империи [7, р. 159–161]. Репрессии Байаня против *сэму* и китайской знати, сотрудничавшей с юаньским режимом, размывали и без того недостаточно широкую социальную базу монгольских императоров в Китае. К тому же, последние монгольские императоры Китая, и Тогонтимур наглядный пример тому, были во многом воспитаны на традициях китайской конфуцианской культуры, получили китайское образование и хорошо знали китайский язык и письменность, поэтому действия Байаня вызвали неоднозначное отношение юаньского двора. Тем более, что многие монголы говорили: «Мы и не слышим про Тогонтимура, а вот Байань – этот нам знаком!» [2, с. 128]. Байань вёл себя довольно независимо по отношению к юному императору и, возможно, не исключал возведения на юаньский трон другого представителя императорской фамилии, поскольку покровительствовал сыну предшествовавшего правителя Тугтимура, двоюродному брату Тогонтимура. В этой связи Байань определял свою политику как возрождение ценностей эпохи, связанной со временем правления основателя Юаньской династии – Хубилай-хана. Причем Байань провозглашал Хубилай-хана символом, олицетворяющим

величие монгольского государства в Китае, и образцом подражания для проводимой им политики. Целью Байяня было усиление роли монголов как господствующего этноса в Юаньской империи, и возвращение к принципам правления эпохи Хубилай-хана, когда строго соблюдалось этническое представительство в юаньских государственных структурах, а китайские методы управления государством, основанные на учении Конфуция, использовались под жёстким контролем монгольских владык, и не по причине пиетета перед китайской учёностью (в чём Байянь подозревал последнего монгольского императора Китая и его разноплеменное окружение, в том числе влиятельных монголов и *сэму*, не говоря уже о китайцах). Но его политика натравливания одних этнических групп юаньской верхушки против других, выгодная Байяню для сохранения личной власти, стала пагубной для монгольского правления в Китае, когда в условиях нарастания экономического и политического кризиса Юаньской империи и усилении борьбы китайского народа за своё национальное освобождение в 1335–1338 гг., как никогда стала требоваться сплочённость правящей юаньской верхушки. Вместе с тем следует отметить, что в китайской историографии есть определённая «демонизация» личности Байяня и его деятельности, где он представлен как ярый враг конфуцианства. Конечно, в этом есть зерно истины, но Байянь всё же недооценил влияние учения Конфуция на правящую династию Юань, и эта ошибка оказалась для него роковой. Ему выпало управлять в сложную эпоху, когда для монголов в Китае наступает «смутное» время.

Смещение Байяня было осуществлено в 1340 г. группой заговорщиков – монголов, *сэму*, китайцев из числа его же ближайшего окружения, которых возглавил его племянник монгол Тото, поддержанный взрослеющим императором Тогонтимуром, требовавшим полноты власти в стране, что было невозможно при главном министре Байяне. К этому времени уже не было влиятельной при юаньском дворе императрицы Будашири, всегда поддерживавшей Байяня. Воспользовавшись отъездом Байяня на охоту и его отсутствием в столице, Тогонтимур отстранил последнего от командования юаньской гвардией. По возвращении перед Байянем закрыли крепостные ворота Ханбалыка и ему ничего не оставалось, как покончить жизнь самоубийством. Брат его Маджартай, наследовавший было пост Байяня, был вынужден уйти в отставку под давлением Тото, даже не пытаясь оказать противодействие.

Известно, что Тото, глава Цензората, находился под духовным влиянием своего учителя, южного китайца У Чифана, и получил классическое конфуцианское образование. По настоянию своего учителя, Тото возглавил заговор против Байяня, заручившись при этом поддержкой императора Тогонтимура. Попытка покушения Байяня на китайскую модель управления, основанную на принципах учения Конфуция, к этому времени всё более принимаемую правящей монгольской династией Юань в Китае и ее ближайшим разноплеменным окружением, стала основной причиной отстранения Байяня от власти. Сразу после прихода Тото к власти была восстановлена система экзаменов на замещение государственных

должностей. Тото способствовал распространению конфуцианского образования при юаньском дворе. В 1349 г. в Ханбальке при императорском дворце по его инициативе было открыто учебное заведение специально для наследника трона Аюшидари, которому тогда исполнилось 11 лет, чтобы он приобщался к высотам китайской учёности и постигал учение Конфуция. Предположительно, именно с этого времени Аюшидари официально становится наследником юаньского трона. При Тото была укрощена бурная река Китая – Хуанхэ, были построены гидротехнические ирригационные сооружения, превосходившие масштаб подобных сооружений за всю предшествующую историю Китая, что благотворно сказалось на развитии сельского хозяйства Северного Китая. В 1349 г. Тото удалось устранить с поста главы Цензората монгола Беркебугу в пользу своего брата Есенбуги, таким образом установив свою монополярную власть в империи, хотя торжество его было недолгим. Тото был одним из немногих и, вероятно, последним из влиятельных юаньских деятелей времени царствования Тогонтимура, кто при всех своих личных амбициях, руководствовался в своей деятельности прежде всего государственными интересами. Именно поэтому отставка Тото поставила на повестку дня вопрос о самом существовании империи Юань как государства, сделав процесс упадка империи необратимым.

Среди заговорщиков выделялись *сэму*, выходцы из центральноазиатского тюркского народа канглы – братья Тимурташ и Таштимур, а также их соплеменники Тинчу и Кама с братом Сүйсюем, причём последние два персонажа с детства находились в ближайшем окружении императора Тогонтимура, а затем служили в его личной охране. Все они заняли руководящие посты в государственных структурах – Цензорате (Юйшитае) и Госсовете (Чжуншу). Но полный реванш *сэму* взяли в 1354 г., когда судьбу своего дяди Байяня повторил Тото. В тот год, воспользовавшись неудачным походом юаньских войск на юг против китайских повстанцев, который возглавил Тото, его отсутствием в Ханбальке, а также болезнью его брата Есенбуги – главы Цензората, вышеупомянутый Кама составил доклад, больше похожий на донос, компрометирующий Тото и Есенбугу, и представил его Тогонтимуру. В это время Кама занимал высокий пост в юаньском правительстве – Госсовете. В своём доносе Кама обвинял Тото в некомпетентности в военных делах и преступной медлительности во время похода, что стало причиной его неудачи, растрате огромных государственных средств, в пренебрежении служебными обязанностями. В итоге своего демарша Кама удалось убедить императора сместить братьев со своих постов. Все указания Тото и Есенбуки в сфере государственного управления были отменены, собственность их семьи конфискована и присвоена Кама. Судьба проигравших была печальна. Тото и его два сына, Есенбука были отправлены в ссылку далеко за пределы столицы, где в 1356 году Тото был отравлен людьми Кама [7, с. 119–123]. Успеху Кама способствовала поддержка его интриг со стороны императрицы, кореянки Ци – супруги Тогонтимура, матери наследника юаньского трона Аюшидари, которую Кама удалось убедить в том, что Тото оспаривает право её

сына на престол. Дело в том, что предпочтительное право на трон имел сын старшей жены Тогонтимура – императрицы Баянхуду, знатной монголки из племени конграт, откуда Чингизиды поколениями брали жён, каковым Аюшидари не был. Поэтому, когда в 1353 г. Баянхуду родила сына, потенциально имеющего право претендовать на юаньский трон, Кама предложил Тото официально признать Аюшидари единственным наследником юаньского престола. Но, поскольку ситуация при юаньском дворе была неоднозначной, да и кандидатура Аюшидари как будущего императора была для Тото сомнительна, он медлил с ответом и данное обстоятельство осложняло вопрос о престолонаследии. Колебания Тото привели к обострению его отношений с Аюшидари, чем Кама и воспользовался. Несмотря на юный возраст (16 лет), Аюшидари уже обладал тогда немалым влиянием при юаньском дворе, вздорным характером и жаждой власти. Император Тогонтимур также испытывал сильное давление со стороны Аюшидари и его матери-императрицы, других членов императорской фамилии, недовольных чрезмерной, по их мнению, концентрацией государственной власти в руках Тото. В борьбе с Тото, Кама сумел заручиться поддержкой высокопоставленных юаньских чиновников, прежде всего *сэму* – своих соплеменников, а также монголов, недовольных тем, что Тото, в отличие от своего дяди-предшественника на посту главного юаньского министра, гораздо чаще привлекал китайцев на государственную службу, в чём *сэму* и монголы усматривали угрозу своим привилегиям. Кама поддержали наместники провинций – даругачи, выступившие против проводимой Тото политики централизации, что было требованием времени, поскольку только проводимые им реформы, направленные на укрепление единства страны, могли предотвратить грядущее падение монгольского государства в Китае, симптомы разложения которого к середине XIV века вполне обозначились. К этому времени далеко в прошлом остались монгольские самодержцы на троне, подобные основателю династии и империи Юань Хубилай-хану. За более чем полстолетия после его смерти частые дворцовые перевороты, разложение правящей юаньской верхушки, неэффективность управления, ослабление воинских традиций народа-завоевателя, выполнявшего к этому времени скорее полицейские функции, сепаратизм даругачи-наместников провинций, и, главное, нарастание борьбы всех слоёв китайского общества против иноземного владычества стали угрожающими явлениями в жизни монгольского государства в Китае. Усилия Кама увенчались успехом, 20 апреля 1355 года Аюшидари был официально облечён полномочиями наследника юаньского престола, но его рвение в этом предприятии вызвало обоснованную тревогу здравствующего государя Тогонтимура, заподозрившего Кама в намерении лишить его власти, и возвести на престол пусть и неустойчивого во взглядах, но более энергичного, чем его коронованный отец, Аюшидари.

Следует отметить, что император Тогонтимур, в детстве и юности испытавший ограничения своей власти как правителя со стороны своих главных министров от Яньтимура и Байяня до Тото, и даже страх за

свою жизнь после насильственной смерти его отца Хошила, что наложило заметный отпечаток на его характер, не производил впечатления уверенного в своих действиях монарха. Детские и юношеские испытания не закалили, а надломали его психологически, сформировав личность, крайне осторожную и, вместе с тем, неспособную самостоятельно принимать судьбоносные для государства решения. Он не был самодержцем и был подвержен влияниям со стороны, как членов императорской фамилии, своих родственников, особенно жён, так и различных клик при юаньском дворе. Решительным действиям он предпочитал выжидание, даже бездеятельность, и совсем не был похож на своих предков – прародителей Юаньской династии. Увлечение Тогонтимура сомнительными «радостями жизни», где он обладал неограниченными возможностями в силу занимаемого им положения верховного правителя империи, также подрывало авторитет государственной власти, когда по свидетельству *Юань-ши*, «император всякий раз, будучи во внутренних покоях дворца, играл в шуанлу (азартная игра в игральные кости. – *А.К.*) и погружался в мрак разврата». Отражением того кризиса, в котором находилось юаньское общество, является моральное и нравственное разложение его верхушки. О нравах, царивших тогда при юаньском дворе, красноречиво свидетельствует картина, описываемая в *лечжуань* – биографии Кама в *Юань-ши*: «Император (Тогонтимур. – *А.К.*) неограниченно брал женщин, занимался с ними развратными играми, и это доставляло ему радость. Затем выбирал девиц... а сановники с ними сверх всякой меры развязано и фамильярно заигрывали... мужчины и женщины в обнажённом виде устраивали оргии... Цветисто давали каждой части тела названия, не зная пределов развязности. Таким образом, император и его приближённые распространяли разврат... и не было ничего святого и запретного... Уродливые звуки, слухи о позорных делах выходили за пределы императорского дворца. Даже у простых людей это вызывало отвращение. А наследник (Аюшидари. – *А.К.*) с каждым годом становился всё старше и, видя всё это, очень страдал...» [6, цз. 205, с. 28150/2198]. Увещевания Кама к Тогонтимур по поводу его несправедного образа жизни, вероятно, были вызваны и настроениями Аюшидари, на возвышение которого он делал ставку в своей политической карьере. Трагические судьбы Кама и его брата Сюйсюя были предрешены их намерением сделать императором Юань Аюшидари вместо его отца Тогонтимура, о чём сообщает *Юань-ши*: «Я (Кама. – *А.К.*) и брат мой – советники трона, наш долг направлять повелителя и поправлять его, чтобы правильно шли дела правления... А император (Тогонтимур. – *А.К.*) каждый день своей жизни погружает во мрак. Поэтому как управлять Поднебесной? Сейчас наследник уже вырос и умом превосходит людей. Лучше его сделать императором и возвести на престол». [6, с. 28150/2198]. Последовал донос о подобных намерениях братьев императору Тогонтимур, которых не спасло их знакомство с государем с детства.

Интересно, что это была не первая опала Кама, когда «представ пред государем, Кама не признал себя виновным». Тогда обвинения против него «были сострипаны» его соплеменником Тинчу, после того, как последний

«стал *ючэнсяном*» – главным министром и «задумал низвергнуть Кама, выставив на посмешище и обвинив в злостных преступлениях. Был донос на Кама трону, где наименьшим из преступлений, вменявшихся ему в вину, было получение взятки в виде скакунов и других вещей. А самым тяжёлым (обвинением. – *А.К.*) было то, что Кама поставил свою юрту за императорской юртой, не различая монарха и сановника. Был обвинён в гордыне... особенно тяжким считалось преступление по нарушению различий» [6, с. 28150/2198], т.е. сословного статуса. На первый раз Кама отделался «ссылкой в дикие места» и вернулся после скорой отставки Тинчу. Суюсюй тогда же возглавил Тайный совет (Шумиюань), а Кама стал *цзочэнсяном* – левым, или вторым министром. «А спустя год стал ещё советником трона».

Но вторая опала стала для братьев последней. Когда «слова Кама дошли до слуха императора в интерпретации его недоброжелателей, не осмелившихся передать слова Кама о разврате, а только были упомянуты его слова, что „Ваше величество стар годами“, император был ошеломлён: „Моя голова ещё не бела, а зубы ещё не выпали. Не рано ли называть меня стариком?“ Было повеление, чтобы братья выслушали высочайший указ об их ссылке за стенами города... Когда те отправились в ссылку, их насмерть забили палками. После смерти Кама всё его имущество было описано. Столько сокровищ, пожалованного ему, воистину никогда, и ни у кого не бывало! Любовь к Кама и его брату ещё недавно у императора была сильна, но в одно утро они оказались вне этой милости. Люди считали причиной их гибели гнев императора за их клевету на Тото, и не знали, что их вина в несоблюдении правил поведения при дворе. Никто не пожалел об их смерти» [6, с. 28150/2198]. Инициатором гибели Кама с братом был Тинчу, которому удалось восстановить Тогонтимура против Кама, используя мнительность и подозрительность юаньского владыки. Хотя, конечно, у императора были основания подозревать в заговоре не только Кама с Суюсюем, но и своего сына Аюшидари, но тот отделался лёгким испугом, сохранив свой статус наследника трона, при этом продолжая плести свои интриги, в итоге вылившиеся в новые заговоры, также завершившиеся неудачами. Вдохновителем следующего заговора с целью возведения Аюшидари на трон стала его мать и жена Тогонтимура, императрица Ци. Заговор был опять предотвращён главным министром Тинчу, что стоило ему жизни: в 1357 году он был отравлен. Только после третьего заговора, в котором участвовал преемник Тинчу на посту главного министра киреит Чосгэм, Аюширидари был вынужден спасаться бегством из Ханбалыка, поскольку на этот раз чаша терпения его отца Тогонтимура переполнилась. Чосгэм был казнён, а Аюширидари начал собирать войска, пытаясь привлечь на свою сторону военачальников юаньских войск в провинциях, которые вели боевые действия против китайцев на охваченных восстаниями севере и юге страны. Аюшидари удалось заручиться поддержкой Кокэтимура, одного из влиятельных провинциальных юаньских военачальников. В свою очередь, Тогонтимур, чьи военные силы были в Ханбалыке недостаточны чтобы справиться с

мятежным сыном, также обратился за поддержкой в провинцию, где на его сторону стал юаньский военачальник Болодтимур с подчинёнными ему войсками. Фактически в империи, точнее, на той территории, которая ещё контролировалась юаньскими властями, постепенно утрачивавшими позиции под натиском охвативших весь Китай народных восстаний, сложилось двоевластие [2, с. 123; 7, р. 136–140].

Таким образом, Тогонтимур не был сильным властителем, был подвержен влиянию своих родственников и ближайшего окружения, не отличился он и на ратном поприще, где не стяжал лавров своих предков – основателей династии Юань. Не смог он подавить сепаратизм даругачи – наместников провинций, уже к 50-м годам XIV в. лишь номинально признававших власть в Ханбалыке. Тогонтимур во многом зависел от их лояльности, поскольку после отставки Тото лишился последней возможности влиять на провинциальные власти. Хотя Тогонтимур получил китайское конфуцианское образование и как никто из его предшественников на юаньском троне оторвался от своих этнических степных корней, он вряд ли соответствовал образу идеального правителя, воспетого великим Конфуцием. *Юань-ши* свидетельствует по этому поводу: «Когда Шуньди (Тогонтимур. – *А.К.*) смотрел картину Хуйцзуна – императора династии Сун (1101–1126 годы правления. – *А.К.*), он выразил восхищение этой картиной. Но Нао-Нао (сановник из *сэму*, достигший высот китайской учёности. – *А.К.*) сказал: „Он (Хуйцзун) мог сделать немало, но главного не сделал“. Император спросил: „Что ты подразумеваешь под главным делом для правителя?“ Нао-Нао ответил: „Он не смог быть государем! Себе принёс позор, страну разрушил и всё потому, что не сделал того, что надлежит делать государю... в правителе прежде всего ценится способность к управлению государством. Всё остальное не является добродетелью для государя, если он не может править“» [6, цз. 143, с. 27578/1626]. Слова эти оказались пророческими в отношении Тогонтимура. Он проявил растерянность и малодушие, когда в августе 1368 г. под натиском китайских войск, подошедших к Ханбалыку, спасался бегством со своими домочадцами и гвардией на родину предков – в Монголию, что неллицеприятно для последнего императора Юань отразилось в народной памяти монголов в форме сатирических высказываний и притчей по этому поводу [2, с. 132].

Вместе с тем, Тогонтимур был образованным человеком. После того как «Шуньди (Тогонтимур) взошёл на трон, Нао-Нао каждый день убеждал императора посвятить себя учению с целью улучшения правления. Император воспринимал его советы и хотел удостоить Нао-Нао поклонения как своего учителя, но тот отказался от такой чести. Во время отдыха император изъявлял желание смотреть знаменитые древние картины». Именно к Тогонтимур обращался с просьбой Нао-Нао, когда обсуждался вопрос об упразднении академии Гуйчжаньгэ-сюэши-юань, учреждённой ещё при правлении предшественников Тогонтимура. Просьба в виде доклада была следующего содержания: «Те, у кого есть возможность, устраивают частные школы, но многие приезжают из провинций и их негде разместить для учёбы». Император удовлетворил

просьбу и сохранил прежнюю организацию юаньских учебных заведений, он также одобрил инициативу Нао-Нао об открытии учебного заведения изящной словесности – И-вэнь-цзянь. Затем император поставил Нао-Нао во главе этих учебных заведений и учредил 16 должностей чиновников для подготовки докладов на высочайшее имя императора. Император принял замечание, что систему *кэ-цзюй* нельзя упразднить, когда ещё в древности отбирали людей для управления делами мира и непрерывно устраивали государственные экзамены с этой целью. Следствием этого решения стало восстановление прежних учреждений образования. Как-то Нао-Нао читал императору вслух произведение Сыма Гуана *Цзычжи-тунцзянь* из китайской классической литературы и сказал: «Государство должно быть как в прежние времена, поэтому необходимо составить истории трёх (предшествующих Юань. – *А.К.*) династий, так как источники могут потеряться и пользы для государства не будет» [6, цз. 143, с. 27579/1627].

Отдавая должное инициативам Нао-Нао всё же следует помнить, что последнее слово было за Тогонтимуром – первым лицом в стране, когда была создана комиссия по составлению историй трёх династий – Ляо, Сун и Цзинь. Следует отметить, что династийные истории Ляо, Сун, Цзинь, составленные в царствование и по указу Тогонтимура, и в настоящее время являются ценными источниками по изучению средневековой истории Китая и сопредельных стран и народов, как ныне здравствующих, так и ушедших в небытие. Тогонтимур был ценителем каллиграфии, считавшейся в Китае важнейшим искусством, выражая своё восхищение Нао-Нао, который «был искусен в полускорописи во всех трёх видах каллиграфии. Те, кто ознакомился с его искусством, считали, что он овладел духом письма мастеров каллиграфии эпохи Цзинь (III в. н.э.). Исписанный Нао-Нао иероглифами лист бумаги люди ценили как золото и яшму» [6, цз. 143, с. 27578/1626]. Вероятно, Тогонтимур интересовался театром, известно, что Нао-Нао нёс ответственность за организацию актёрских представлений на императорских пирах.

Нао-Нао был далеко не единственным сановником *сэму* в ближайшем окружении последнего монгольского повелителя Китая, оказавшего заметное влияние на развитие культуры Китая эпохи Юань. История оставила их имена. Среди них тюрок-кипчак Тайбука, избавивший «пострадавших от наводнения от налогов», специалист по ирригации, «ведавший орошением земель». По его совету, когда «река Хуанхэ прорвала дамбы», было установлено по образцу времени Сун «водоочистительное устройство с железными решётками, которое регулировало течение реки, прочёсывало песок, а вода не засорялась приливом и не прорывала дамбы» [6, цз. 143, с. 27583/1631]. Упомянутый канглы Тимурташ из окружения Тогонтимура «при чтении классической китайской литературы очень тонко воспринимал смысл, заключённый в книгах, его природные дарования были огромны. Император советовался с ним о делах правления» [6, цз. 140, с. 27558/1606]. Достаточно долго влиял на Тогонтимура Кама, который был красноречив, проверял до своей опалы «правильность записей государственных дел, тайно исповедовал буддизм, делал комплекс дыхательных упражнений» [6, цз. 205, с. 28147/2195].

Последний юаньский государь был подвержен влиянию со стороны тибетских монахов с их мистификациями, в своих интересах использовавших веру в их способность создать «эликсир бессмертия», чтобы государь жил «вечно». Поэтому неудивительно присутствие в Ханбалыке сонма тибетских монахов секты Кармапа, один из которых, Рангджунг Дордже, даже освящал церемонию восхождения Тогонтимура на трон в 1331 г. [4, с. 72–73].

Хотя Тогонтимур и был приверженцем буддизма тибетского толка, он, как и его предки на монгольском троне, верил в силу молитв и заклинаний всех религий. В 1336 году Тогонтимур отправил представительное юаньское посольство в Западную Европу, прибывшее в мае 1338 года в город Авиньон. Интересно, что среди главных официальных лиц этой миссии были только *сэму* – ас Тохай и западноевропейцы Андре Франк и Вильям Нассио, и не было ни одного монгола и китайца. Посольство передало римскому папе Бенедикту XII два письма: от Тогонтимура и знатных асов-христиан, служившим монголам в Китае. Асы с согласия их владыки стремились к установлению контактов с духовным главой западного христианского мира и просили прислать к ним в Китай духовного наставника. В свою очередь, Тогонтимур просил папу прислать ему своё благословение и упоминать его в своих молитвах. Он писал, что поручил передать эту просьбу асам – «своим слугам и сыновьям Христа». Монгольский владыка также просил папу прислать ему коней и другие редкие вещи с Запада [8, р. 87–88]. Религиозные искания монгольской правящей элиты – потомков Чингиз-хана хорошо известны, и пример Тогонтимура лишний раз свидетельствует об этом, когда при всей приверженности к буддизму тибетского толка и конфуцианской учёности, он проявлял интерес к христианству и покровительствовал христианам, приближая их к своему двору и предоставляя им возможности служебной карьеры, верил в силу молитв и заклинаний всех религий. Его веротерпимость, как и возведённая в ранг государственной политики веротерпимость его предшественников, подтверждается указами Тогонтимура в отношении всех религий в империи Юань. Один из его указов гласит: «Силою Вечного Неба, помощью великой благодати и покровительства (наших предков) указ императора. Указ, адресованный командирам армии, солдатам армии, чиновникам даруга, управляющим городами, официальным посланцам, уезжающим и приезжающим: В указах императоров Чингиза, Угэдэя, Сэчэна (Хубилая), Улджайту (Тимура), Гюлюка (Хайсана), Буянту (Аюрбарвада), Гэгэна (Шидебала) было сказано: «На буддийских, несторианских (христианских?), даосских и мусульманских духовных лиц пусть не налагаются никакие повинности... В их храмах пусть не останавливаются официальные посланцы. Пусть у них не берут почтовых лошадей и продовольствия. Пусть (они) не выплачивают торгового налога и поземельного налога. Пусть никто не применяет силы, не отнимает и не требует их поместья, сады, мельницы, гостиницы, лавки, ломбарды, бани, (посадки) бамбука и тростника, лодки – чтобы то ни было...» [3, с. 59–60].

Тогонтимур олицетворял собой эпоху упадка монгольского владычества в Китае, являясь, в определённой степени, трагической фигурой. Он, как бы балансировал между противоборствующими политическими кликами, в разное время его правления набравшими силу при юаньском дворе, постоянно находился в зависимости от них, и в течение десятилетий ему удавалось сохранять за собой трон только благодаря изощрённым интригам. Но этого качества оказалось явно недостаточно, чтобы сохранить государство монголов в Китае, а династию Юань – правящей. Он не смог сплотить вокруг юаньского трона разноплеменные господствующие сословия, в том числе интегрированных в юаньскую систему правления китайцев, поскольку ответственность за принятие решений по важнейшим государственным вопросам, от которых зависела судьба не только подвластного ему государства, но и его собственная, он зачастую перекладывал на своих сановников, чаще всего не обременённых государственными интересами и действовавших исходя из личных и групповых приоритетов. Роковым его просчётом было отстранение от власти Тото, проводившего политику на укрепление государства и власти правящей династии Юань, с уходом которого с юаньской политической арены падение власти монголов в Китае стало вопросом не столь отдалённого времени. После смерти Тото, Тогонтимур стал беспечнее, в критические для его власти дни, когда голод и массовые китайские восстания начали сотрясать Северный Китай, он занялся постройкой развлекательного аттракциона – корабля в виде дракона в дворцовом парке и сам изготовил чертёж. Корабль-дракон был длиной 120 *чи*, шириной 20 *чи*, а внутри его находился механизм, который приводил в действие части тела дракона – глаза, пасть, голову и хвост, заставляя их шевелиться, когда корабль находился на плаву. Страстью последнего императора Юань были технические поделки, музыка и танцы. Всему этому он посвящал свои дни и не любил заниматься государственными делами. Целыми днями он катался на лодках и пировал, даже не выслушивая докладов о военных действиях, разгоравшихся вокруг Ханбалыка. Население массами умирало с голоду, но его это не беспокоило. Даже государственным служащим жалованье пришлось выплачивать чаем, бумагой и прочими мелочными товарами. Но жизнь в императорском дворце оставалась такой же роскошной и развратной, как и во времена благополучия и процветания [5, с. 59–60]. С конца 1362 г. между военачальниками Юаньской империи началась кровавая усобица, вызванная борьбой между Тогонтимуром и его наследником Аюшидари за власть, отвлекавшая их от подавления антимонгольских восстаний, что было на руку усиливавшемуся среди вождей восстания Чжу Юаньчжану, внесшего немалую лепту интриг в разложение своих врагов, как в юаньском лагере, так и среди своих соратников – конкурентов за лидерство в повстанческом движении. Успешно действуя против юаньских войск, Чжу Юаньчжан одновременно разбил одного за другим вождей восстания «красных войск», своих вчерашних соратников по общей антиюаньской борьбе, чьи основные силы были перед этим разгромлены монголами, и стал во главе восстания против монгольской династии Юань.

К 1367 году Чжу Юаньчжану удалось отвоевать Южный Китай и центр страны у монголов и соперничавших с ним вождей «красных войск», когда его отряды, к этому времени превратившиеся в мощную дисциплинированную и многочисленную армию, начали наступление на север и через полгода, в августе 1368 года окружили и взяли Ханбалык. Растерявшийся Тогонтимур с остатками гвардии, императрицей, сыновьями и свитой бежали на север в свою летнюю столицу Шанду [2, с. 131; 7, р. 147–155].

Падение Ханбалыка ещё не означало окончательную победу над монголами в Китае. В Шанду по-прежнему функционировал юаньский аппарат управления, ещё вполне боеспособными и достаточно многочисленными оставались войска, подчинявшиеся юаньскому двору, поэтому вопрос о власти над Китаем ещё нельзя было считать окончательно решённым. В течение года шли ожесточённые сражения на подступах к Шанду, когда юаньские войска пытались переходить в контратаки, сражаясь с отчаянием обречённых. В марте 1369 г. 90 тысяч всадников и пехотинцев Чжу Юаньчжана взяли Шанду, а Тогонтимур бежал в город Инчан, где находился около двух лет. Но он не признал своё поражение и надеялся на реванш и восстановление своей власти над Китаем. Он надеялся на поддержку монголов, сотни тысяч которых оставались в Китае после падения династии Юань, так как большинство их не смогло покинуть эту страну и уйти в Монголию из-за препонов, которые им ставила новая китайская власть, запретившая их эмиграцию и не останавливающаяся перед истреблением тех, кто пытался это сделать. Питало его надежды и то обстоятельство, что власть Юань сохранялась в Китае на Ляодунском полуострове, в Юньнани, Сычуани, Шэньси и Ганьсу. Некоторое время серьёзное сопротивление китайским войскам оказывал монгол Нахачу – последний юаньский даругачи-наместник Ляодуна, потомок Мухули, известного полководца Чингиз-хана. В этих условиях Тогонтимур назвал монгольскую правящую династию, к которой принадлежал, «Северная Юань». Вероятно, это название возникло в связи с его стремлением восстановить империю Юань в Китае. Последний монгольский император династии Юань Тогонтимур умер в своей ставке Барс-Хото на территории Внутренней Монголии в 1379 году в возрасте 51 года, передав сыну Аюшидари яшмовую императорскую печать и власть над тем, что ещё оставалось от Юаньской империи. Но всё это было остатками былого величия.

Во время траура по Тогонтимуру китайские войска атаковали Инчан и разрушили его. Аюшидари отступил в Монголию, в Каракорум – столицу некогда единой Монгольской империи, основанной самим Чингиз-ханом, и сделал его столицей государства Северная Юань. Он смог собрать значительные силы и в 1372 г. его полководец Кокэтимур нанёс сокрушительное поражение 150-тысячной китайской армии. Однако это не могло изменить ситуацию, и после смерти Аюшидари в 1378 г. реванш и возрождение власти монгольской династии Юань над Китаем стало невозможным. В 1383 г. китайская армия разгромила ставку Тогустимура,

наследовавшего власть в Северной Юань после Аюшидари, а в 1387 г. владение Нахачу – наместника Ляодуна, уничтожив остатки монгольского государства в Китае [2, с. 132–137].

Последний монгольский повелитель Китая Тогонтимур был совсем не похож на своего великого предка Чингиз-хана, да и жил он в другое время, когда империя монголов, повелевавшая огромной частью известного тогда мира, уже пережила пик своего могущества и давно распалась на отдельные государства, каковым и была империя Юань. Если Хубилай-хану после смерти Чингиз-хана удавалось поддерживать мощь уже тогда разрушавшейся империи, то Тогонтимуру выпала сомнительная честь быть её последним правителем, причём в крахе монгольского владычества в Китае немалая доля и его вины.

Литература

1. *Боровкова Л.А.* О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в XIII–XIV веках. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1969.
2. *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
3. *Зограф И.Т.* Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984.
4. *Кычанов Е.И., Савицкий Л.С.* Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975.
5. *У Хань.* Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980.
6. Юань-ши (История [династии] Юань). Шанхай–Пекин, 1958.
7. *Dardess J.W.* Conquerors and Confucians. N.Y.–L., 1973.
8. *Rachewiltz I. de.* Papal envoys to the Great Khans. Stanford, 1971.